

Т.Н. Гаврильева, А.Г. Томаска, А.Т. Набережная, Р.И. Бочоева

МНОГОМЕРНАЯ ОЦЕНКА БЕДНОСТИ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Впервые для Республики Саха (Якутия) на основе репрезентативного социологического опроса сельского населения были апробированы методы многомерного измерения бедности. Они включают расчет индекса социальной исключенности и оценку материальных деприваций. Методика SEI, используемая Росстатом, была адаптирована для условий северного региона. На основе экспертного опроса, а также анализа Arctic Social Indicators, разрабатываемых с 2006 г., было отобрано 10 замещающих переменных, отражающих специфику жизни исследуемой социальной группы. Полученные результаты были сопоставлены с доступными итогами федеральных выборочных наблюдений Росстата для сельского населения Якутии.

К основным факторам социальной исключенности и материальной депривации сельского населения относятся сильная изношенность инфраструктуры, ограниченная доступность и низкое качество социальных услуг, слабое благоустройство жилищного фонда, транспортная и цифровая изолированность. Оценка совокупных доходов респондентов подтвердила значительную зависимость сельских домохозяйств от занятости в учреждениях социальной сферы, от социальных пособий и пенсий, а также от личного подсобного хозяйства и традиционной хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, собирательство). Было доказано, что применение немонетарных методов, несмотря на ряд методологических несовершенств, позволяет выявлять социально-экономические и демографические группы с более высоким риском бедности. Доля сельского населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 55%, что в 2,7 раза выше, чем в Якутии в среднем. Это подтверж-

дается индикаторами субъективной (50,3% респондентов) и относительной (62%) бедности. Совершенствование методологии немонетарной оценки бедности в России помимо обновления текущего перечня индикаторов должно предусматривать также включение региональных компонентов.

Ключевые слова: социальная исключенность; материальная депривация; относительная, абсолютная и субъективная бедность; сельское население

Для цитирования: Гаврильева Т.Н., Томаска А.Г., Набережная А.Т., Бочоева Р.И. Многомерная оценка бедности на основе социологического опроса сельского населения Республики Саха (Якутия) // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 135–164. DOI: 10.15372/REG20200306.

ВВЕДЕНИЕ

Бедность – это многомерное социально-экономическое явление, ее динамика определяется не только комплексом общенациональных трендов, но и региональными компонентами. В России для измерения бедности до недавнего времени использовался только *абсолютный подход*, в рамках которого численность бедных определяется на основе стоимостной оценки потребительской корзины – прожиточного минимума. Доля населения с доходами ниже черты бедности в Якутии в соответствии с общероссийским трендом на снижение к 2003–2004 гг. вышла на уровень в 18–20%, что в 1,5 раза выше, чем в России в среднем, и не может его преодолеть вот уже 17 лет, исключая короткий период между двумя кризисами 2012–2013 гг. (рис. 1). Занимая восьмое место в России по ВРП на душу населения, по уровню бедности Якутия находится на 10-м месте с конца среди 86 регионов страны [2].

Абсолютный подход позволяет оценить масштаб бедности, но не ее глубину в разрезе отдельных территорий и социальных групп, что предопределяет низкую эффективность социальной политики. Поэтому за рубежом для оценки бедности широко используются

Многомерная оценка бедности на основе социологического опроса сельского населения
Республики Саха (Якутия)

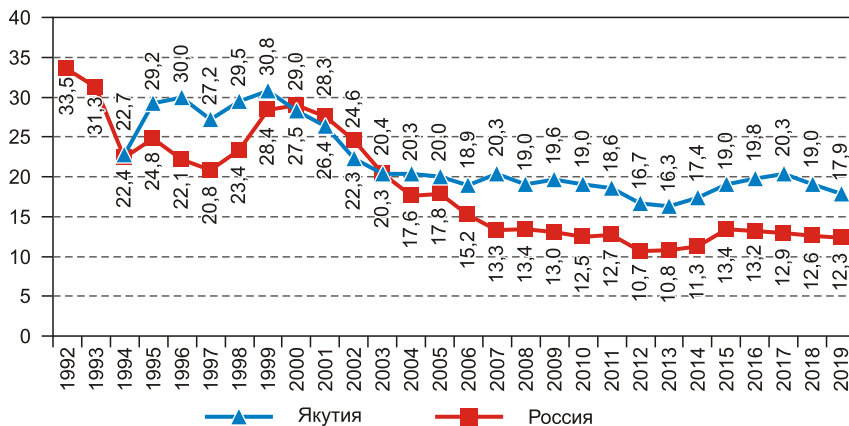

Рис. 1. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Республике Саха (Якутия) и России, %

Источники: <https://www.gks.ru/folder/13397> (для 2019 г. предварительная оценка);
<https://sakha.gks.ru/folder/32339#> (данные для РС(Я) доступны с 1994 г.)

комплексные подходы, например расчет глобального индекса многомерной бедности (Multidimensional Poverty Index, MPI), индекса материальной депривации (Material Deprivation Index, MDI) и индекса социальной исключенности (Social Exclusion Index, SEI), а также комбинация этих подходов в виде расчета индекса AROPE (At Risk Of Poverty Or Social Exclusion)¹. Использование AROPE, включающего три критерия бедности, а именно риск относительной доходной бедности, наличие материальных деприваций и исключенности из рынка труда, в странах ЕС показало, что 16,0% населения отвечают одному критерию, 5,8% – двум из трех критериев и только 1,7% являются бедными по всем трем критериям. Использование многомерного индекса также помогает понять покомпонентную структуру бедности уязвимых групп, что может усилить адресность социальной политики [4, с. 150–152].

¹ См.: *Руководство по измерению бедности* / Европейская экономическая комиссия ООН. – Нью-Йорк; Женева, 2017. – 211 с. – URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECESTAT20174_ru.pdf.

В России *немонетарные исследования бедности* начались в виде локальных обследований в середине 1990-х годов [5]. С 2011 г. органами государственной статистики начали проводиться комплексные наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), с 2014 г. – выборочные наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), с 2015 г. осуществляется пилотный проект по многомерному исследованию бедности, охватывающий около 60 тыс. домохозяйств общей численностью 134,9 тыс. чел. (около 0,1% населения страны) [14]. Так как глобальный индекс многомерной бедности (MPI) плохо учитывает национальные особенности стран с относительно высоким уровнем валового национального продукта, что справедливо для России, методология нашего исследования в основном построена на методах MDI, SEI и AROPE.

В Якутии в рамках федеральных выборочных наблюдений органами государственной статистики был проведен ряд исследований: в 2013 г. – Выборочное наблюдение рациона питания населения, в 2015 и 2017 гг. – Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, в 2016 г. – Комплексное наблюдение условий жизни населения (далее – КОУЖ-2016), в 2017 г. – Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (далее – ВНДН-2017)². Собран достаточно обширный материал, хотя методология, репрезентативность и география наблюдений существенно варьируют, что требует аналитического обобщения и интерпретации.

К основным факторам бедности в Якутии исследователи, работающие в этом регионе [6; 7; 12], относят значительную долю сельского населения (35% против 25% в России в среднем), отраслевые диспаритеты в оплате труда (разница до 6 раз между горнодобывающей промышленностью и традиционными отраслями, основной из которых является сельское хозяйство), высокую иждивенческую нагрузку из-за более высокой рождаемости (в Якутии она на 20% выше, чем в среднем по России) и др. Локализация бедности в сель-

---

² URL: <https://sakha.gks.ru/folder/41755> .

ских районах Якутии обусловлена тем, что «они характеризуются низким уровнем дохода, безработицей, плохим состоянием инфраструктуры и ростом доли пожилых людей. Основная часть населения занята в сельском хозяйстве, для которого традиционно характерен низкий уровень заработной платы по сравнению с другими отраслями» [16, р. 71].

По ряду оценок, концентрация российской бедности в сельской местности описывается следующими параметрами. «В 2016 г. здесь насчитывалось 10,2 млн малоимущих, или 53,1% их общей численности в стране, при том, что удельный вес сельского населения составлял 25,7%. Малоимущим является почти каждый третий сельский житель, тогда как в городе – каждый двенадцатый. Отличительной чертой сельской бедности является ее глубина, отягощающая негативные последствия широкой ареализации. ...Индекс глубины бедности, выражающий соотношение среднего дефицита доходов бедных домохозяйств с чертой бедности, на селе на $\frac{1}{4}$ выше, чем в городе» [1, с. 7–8].

Настоящая работа посвящена апробации различных методов многомерного измерения бедности на примере отдельной социальной группы – сельского населения Якутии, оценке ее масштабов и глубины, а также сопоставлению полученных данных с результатами федеральных выборочных наблюдений, проведенных на территории региона.

БАЗА ДАННЫХ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Базой данных исследования являются результаты социологического опроса сельского населения, проведенного коллективом научного проекта РФФИ № 17-02-00619-ОГН в 2017–2019 гг., а также итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее – ВПН-2010) и результаты федеральных выборочных наблюдений, размещенные на официальном сайте Саха(Якутия)стата.

В качестве объекта *генеральной совокупности* социологического исследования выступают частные домохозяйства сельских поселений Якутии. По итогам ВПН-2010 в республике было 330 622 частных

домохозяйства, в том числе в городских поселениях – 228 883, в сельских – 101 739. Для формирования *выборочной совокупности* применялась ступенчатая выборка, построенная по территориальному принципу. Первая ступень была сформирована квотной выборкой в пяти социально-экономических зонах Якутии. Следующая ступень – случайный отбор сельских поселений для формирования выборочного списка домохозяйств с учетом транспортной доступности, так как средства на полевые исследования были крайне ограничены. Выборочное обследование охватило 383 частных домохозяйства 12 поселений в 10 районах республики при доверительной вероятности 95%, погрешности 5% (табл. 1). Общая численность обследуемого населения – 1 454 чел.

Анкета включала 120 конкретно сформулированных вопросов с указанием возможных вариантов ответов на них, незначительная часть вопросов были открытыми. Вопросы подразделялись на следующие блоки: демографические характеристики, репродуктивное поведение, доступность рабочих мест и базовых социальных услуг, денежные доходы и натуральные поступления, социальная политика, потребление, жилищные условия, ведение личного подсобного хозяйства, доступ к природной среде, ведение традиционной хозяйственной деятельности и т.д. Обследование проводилось на основе личного опроса респондентов по месту их проживания в составе отобранного для наблюдения домохозяйства. Интервьюеры заполняли анкеты на бумажном носителе со слов респондентов. Ввод данных из анкет и их анализ произведены в программном приложении SPSS Statistics 22.0.

В задачи настоящего исследования входят

- апробация методологических подходов, используемых для многомерной оценки бедности, на примере отдельной социальной группы;
- сопоставление полученных данных с доступными результатами федеральных выборочных наблюдений для сельского населения Республики Саха (Якутия);
- выявление домохозяйств с наиболее высоким риском бедности.

Таблица 1

**Выборочная совокупность социологического опроса сельского населения
Республики Саха (Якутия)**

Социально-экономические зоны РС(Я)	Кол-во частных домохозяйств в сельских поселениях (ВПН-2010)	Доля, %	Муниципальные районы	Поселения	Кол-во обследованных домохозяйств
Северная (Арктическая)	11 665	11,5	Средне-колымский	Эбях	44
Южная	7 505	7,4	Алданский	Хатыстыр	28
Центральная	54 138	53,2	Амгинский	Мяндиги	32
			Горный	Бердигестях	8
				Магарас	6
			Мегино-Кангаласский	Хаптагай	110
			Намский	Ымыяхтах	36
Западная	24 788	24,4	Вилуйский	Балагаччы	30
			Мирнинский	Таас-Юрях	50
			Нюрбинский	Сюля	13
Восточная	3 643	3,6	Усть-Майский	Усть-Мая	23
				Петропавловск	3
Всего	101 739	100,0	10	12	383

ОЦЕНКА БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯКУТИИ

Оценка материальных деприваций. Расчет индекса материальных деприваций (MDI) – метод определения относительной бедности, в рамках которого ее критерии устанавливаются в сравнении с преобладающим в стране стандартом уровня жизни посредством выявления деприваций (лишений) [15]. Соответственно, к бедным могут

быть отнесены не только лица с низкими доходами, но и те, кто лишен доступа к определенному набору благ и услуг, включая качественное питание, достойные жилищные условия и т.д.

Методология оценки материальной депривации разрабатывалась в России в два этапа. Сначала на основе обследования 3500 респондентов в домохозяйствах всех субъектов Федерации в октябре 2003 г. (согласно Постановлению Росстата РФ от 18.09.2003 г. № 86) были выявлены отклонения от стандартного потребления, которые считались признаками бедности. В 2015 г. в 33 регионах был проведен экспертный опрос 200 работников социальной сферы. Полученные данные позволили Росстату сформировать список лишений и внести изменения в программу обследований Комплексного наблюдения условий жизни населения 2016 г. [5]. Пороговое число материальных деприваций – шесть при общем числе индикаторов 19 (в последующем перечень был сокращен до 16 индикаторов), сейчас ему соответствуют 14% домохозяйств, что близко к оценке доли бедных на основе абсолютного метода – 12,6% в 2018 г. (см. рис. 1).

На основе методологии Росстата была проведена оценка распространенности материальных деприваций для анализируемой социальной группы. Из общего числа в 16 деприваций мода составила 4,0, среднее значение – 3,9. Превышение порогового числа в шесть и более деприваций отмечается у 27% респондентов, что несколько выше границы, определяемой по абсолютному методу (в 2017 г. – 20,1%, см. рис. 1).

Полученные оценки были сопоставлены с данными КОУЖ-2016, которое проводилось в Якутии в период с 1 по 16 октября 2016 г. на выборке из 486 домохозяйств в 15 населенных пунктах, включая 162 сельских домохозяйства. В число обследованных сельских районов вошли Верхневиллойский и Виллойский (Западная Якутия), Мегино-Кангаласский, Намский и Хангаласский (Центральная Якутия), Верхнеколымский (Арктическая зона)³. Также представлены результаты КОУЖ-2016 по России в целом, выборка охватывала 60 тыс. домохозяйств во всех регионах (табл. 2). Полученные данные пока-

---

³ URL: <https://sakha.gks.ru/folder/41755> .

Таблица 2

Результаты частотного анализа материальных деприваций для сельского населения Республики Саха (Якутия)

№ п/п	Индикатор	Частота		КОУЖ-2016, сельское население РС(Я), %	КОУЖ-2016, население РФ, %
		Абсолют- ная, чел.	Относи- тельная, %		
1	Не хватает средств на блюдо с мясом, рыбой или курицей 2 раза в неделю	24	6,8	17,0	4,4
2	Не хватает средств на фрукты в любое время года	245	75,6	31,9	14,9
3	Не хватает средств на замену изношенной одежды	191	49,9	21,1	7,9
4	Семья живет в крайней тесноте, менее 6 кв. м жилой площади на человека	1	0,6	7,9	2,5
5	Не хватает средств в срок и в полном объеме заплатить за коммунальные услуги	60	18,3	31,9	10,3
6	В жилье нет центрального отопления и не хватает средств купить топливо в достаточном количестве	43	12,5	10,5	2,7
7	Не хватает средств на замену пришедшей в негодность мебели	268	70,0	86,8	43,0
8	Не хватает средств сделать необходимый экстренный ремонт в жилище (сантехника, крыша)	107	27,9	69,1	29,3
9	Не хватает средств, чтобы оплатить жизненно необходимые лекарственные препараты	0	0,0	13,6	7,0
10	Не хватает средств на покупку 2 пар сезонной обуви для каждого члена семьи	0	0,0	67,1	35,0

Окончание табл. 2

№ п/п	Индикатор	Частота		КОУЖ-2016, сельское население РС(Я), %	КОУЖ-2016, население РФ, %
		Абсолютная, чел.	Относительная, %		
11	Не могут при желании иметь телефон, включая мобильный	1	0,3	Н/д	4,7
12	Не могут при желании приобрести компьютер	1	0,3	27,1	4,8
13	В жилье нет горячего водоснабжения и не хватает средств, чтобы поставить нагревательный аппарат	173	50,3	81,2	5,8
14	В жилье нет ванны или душа	173	50,3	82,2	10,4
15	Не хватает средств, чтобы приглашать гостей на семейное торжество	0	0,0	49,0	18,1
16	Не хватает средств, чтобы провести неделю отпуска вне дома хотя бы раз в год	215	58,4	76,1	39,6

Источник: расчеты авторов на основе данных исследования [8].

зывают, что выборка влияет на результаты и относительно положения внутри региона, и при сравнении Якутии с РФ в целом.

К распространенным лишениям у сельского населения Якутии относятся: нехватка средств на фрукты (с одной стороны, они дороги, с другой – не являются значимым компонентом питания из-за местных особенностей); трудности с заменой мебели, которая крайне скудно представлена в сельских магазинах; нехватка средств на неделю отпуска вне дома (здесь помимо нехватки средств часто отмечались невозможность отлучки из дома из-за ведения личного подсобного хозяйства или частного бизнеса, а также нежелание выезжать). При проведении соцопроса в части покупки двух пар сезонной обуви для каждого члена семьи учитывалась региональная особенность: в Якутии зима длится почти шесть месяцев. В этот период боль-

шинство жителей имеют в постоянном пользовании одну пару теплой обуви – унты, стоимость которых довольно высока (20 тыс. руб. и более), но оправдана их длительной носкостью. Суровая зима также требует дорогостоящей меховой и пуховой одежды для каждого члена семьи, что вносит свой вклад в значение индекса материальной депривации.

Материальные депривации у сельского населения Якутии в основном связаны с плохими жилищными условиями: только 8% опрошенных семей проживают в полностью благоустроенном жилье. Отмечается обратная взаимосвязь между финансовым положением домохозяйства и числом материальных деприваций. Также есть определенная прямая зависимость между числом деприваций и размером домохозяйства: более крупные семьи (семьи с детьми, пенсионерами, иждивенцами) сталкиваются с большим количеством лишений (рис. 2).

Сопоставление результатов соцопроса с итогами КОУЖ-2016 подтвердило мнение ряда экспертов, что в российской методологии расчета MDI используется излишне большой и устаревший перечень индикаторов. В Евросоюзе для межстранового анализа материальной депривации применяется девять индикаторов (пороговое значение – три), перечень был разработан Институтом статистики Франции в 2006 г.

Рис. 2. Число материальных деприваций у сельских домохозяйств Якутии

Дополнительно для анализа неудовлетворительных жилищных условий (*severe housing deprivation*) используется четыре показателя [3, с. 82].

Многие индикаторы устарели, так как изначально для России были установлены гораздо более низкие относительно развитых стран стандарты потребления. Например, «такие товары длительного пользования как цветной телевизор, холодильник, стиральная машина стали стандартом для россиян и присутствуют практически в каждой семье (не имеют эти предметы только, соответственно, 0,2%, 0,1% и 0,7% обследованных домохозяйств). Даже среди бедных по доходам только 2,6% домохозяйств не имеют возможности приобрести эти виды товаров» [5, с. 55]. По таким позициям, как «семья живет в крайней тесноте, менее 6 кв. м на человека» или «не могут при желании иметь телефон, включая мобильный», число деприваций у сельского населения Якутии довольно мало. Также ряд позиций для условий Крайнего Севера нереалистичен, например наличие в жилье централизованного горячего водоснабжения и отопления, душа, ванны. Таким образом, методология оценки материальных деприваций в России может быть усовершенствована за счет пересмотра и уточнения показателей.

Индекс социальной исключенности. Нобелевский лауреат А. Сен определяет бедность как недостаток возможностей, который «зависит не только от низкого дохода (доход – не единственный фактор, генерирующий возможности)». Отмечая взаимосвязь между бедностью по доходам и бедностью в плане возможностей, исследователь утверждает, что она отражает важную опосредованную зависимость, благодаря которой улучшение возможностей может как прямо, так и косвенно обогатить человеческую жизнь и уменьшить лишения [10, с. 107–112]. В 1979 г. английский социолог П. Таунсенд ввел понятие многомерной депривации. Он характеризовал как социально исключенных людей, семьи или группы, которым не хватает определенных продуктов питания, одежды, жилья, экологических, образовательных, рабочих и социальных условий, видов деятельности и удобств, являющихся обычными или по крайней мере широко поощряемых или одобряемых в обществах, к которым они принадлежат [19].

Социальное отчуждение можно рассматривать и как процесс, и как результат. Как процесс социальное отчуждение вытесняет людей на периферию общества. Оно мешает их полноценному участию в социальной, экономической, культурной и политической жизни. Как результат социальное отчуждение отражает статус и особенности человека. Социальное отчуждение имеет много измерений: это бедность, отсутствие базовых компетенций, ограниченные возможности трудоустройства и получения образования, а также недостаточный доступ к социальным и общинным сетям и мероприятиям [18]. В европейских странах при расчете индекса социальной исключенности (SEI) используется 24 индикатора – восемь показателей по каждому из трех доменов: исключенность из экономической сферы, исключенность из сферы социальных услуг, исключенность из общественной жизни и социальных сетей [17].

Для адаптации метода SEI в России был проведен анализ индивидуального вопросника для лиц в возрасте 15 лет и старше и вопросника для домохозяйств, примененных в КОУЖ-2016. Он показал, что в общей сложности могут быть получены значения только 17 из 24 индикаторов. Поэтому для использования SEI как инструмента межрегиональных сравнений были определены *замещающие переменные*, учитывающие российскую специфику. После проведения повторного анализа вопросников оказалось, что в состав первого домена могут быть включены семь индикаторов, в состав второго – по-прежнему восемь и третьего – девять индикаторов. Затем с целью окончательного отбора индикаторов для построения SEI были проведены частотный анализ и расчет парных корреляций между отдельными индикаторами на основе микроданных КОУЖ-2016. В результате в каждом из трех доменов оказалось по шесть индикаторов [13]. Часть показателей пересекаются с показателями, используемыми при определении MDI.

Анализ методологических подходов КОУЖ-2016, а также результатов, полученных в этом наблюдении на территории Якутии, показал, что общероссийские индикаторы социальной исключенности не всегда точно отражают региональные особенности. Например, вопрос охраны общественного порядка в месте проживания не очень актуа-

лен для сельских жителей, а такие важные для них моменты, как доступ к природной среде или дорожной сети, не учитываются. Поэтому методика SEI, используемая Росстатом, была адаптирована для условий северного региона. На основе экспертного опроса, а также анализа Arctic Social Indicators, разрабатываемых с 2006 г. [16], было отобрано 20 индикаторов, из них десять – это замещающие переменные, отражающие специфику жизни исследуемой социальной группы.

Формула расчета индекса социальной исключенности следующая:

$$SEI_i = \frac{SEI N_i}{SEI N_{\max i}},$$

где SEI_i – индекс риска социальной исключенности для i -го респондента; $SEI N_i$ – фактическое число рисков социальной исключенности для i -го респондента; $SEI N_{\max i}$ – максимально возможное число рисков социальной исключенности для i -го респондента. Максимальное число деприваций для лиц в возрасте 15 лет и старше равно 20 (в методике Росстата – 18), для лиц 14 лет и младше – 13 (в методике Росстата – 12).

Особенностью метода SEI является то, что индекс рассчитывается для индивидов, а не для домохозяйств. В соответствии с условиями проведения социологического опроса (опрашивалось одно лицо от домохозяйства, как правило старший член семьи) в выборке нет лиц младше 15 лет (табл. 3).

Доля женщин в нашей выборке выше, так как полевой период приходился на летнее время, когда мужчины заняты традиционной деятельностью вне дома (сенокос, охота и т.д.). По уровню образования респонденты распределились следующим образом: среднее и неполное среднее – у 23,1%, среднее специальное – у 39%, высшее и незаконченное высшее – у 36,5%. Из общего числа респондентов: работают по найму – 644 чел. (44%), безработные, домохозяйки и самозанятые – 67 чел. (5%), пенсионеры – 300 чел. (21%), в том числе работающие пенсионеры – 71 чел. (5%).

Из-за отсутствия методологии расчета SEI на момент проведения КОУЖ-2016 не все индикаторы социальной исключенности были

Таблица 3

**Социально-демографические характеристики сельского населения
Республики Саха (Якутия) и участников социологического опроса**

Характеристика	Сельское население РС(Я), ВПН-2010	Респонденты
<i>Половозрастной состав и брачное состояние</i>		
Уд. вес женщин, %	51,0	70,0
Средний возраст, лет	32,1	43,6
Уд. вес состоящих в браке, %	55,0	65,0
<i>Национальный состав, %</i>		
Саха (якуты)	82,0	86,0
Коренные малочисленные народы Севера	8,2	12,0
Русские	7,6	2,0

доступны для сопоставления. Но там, где сопоставление было возможно, видно, что данные достаточно близки, хотя география КОУЖ-2016 на территории Якутии была уже, а репрезентативность – ниже, чем у нашего исследования (табл. 4). Данные органов государственной статистики показывают, что 88,9% сельских домохозяйств владеют жильем, 50,5% – транспортными средствами, 82,9% – земельными участками, значительное число домохозяйств самозаняты в личном подсобном хозяйстве и т.д.

По выборке среднее значение SEI составило 0,338, мода, или наиболее часто встречающееся число, – 0,389. Для 20 выбранных показателей социальной депривации среднее значение – 6,1, мода – 7,0. Наиболее актуальные проблемы – отсутствие благоустройства и низкое качество жилья (отметили 91,6% респондентов), невозможность строительства или приобретения желаемого жилья (71,3%), также 29,3%, не имея жилья, его арендуют или живут с родственниками. Эта ситуация характерна для многих регионов России. Так, в Алтайском крае «беспокоят проблемы с жильем 94% респондентов, крайне нуждаются в улучшении жилищных условий 36% (около 60%

Таблица 4

Частота индикаторов социальной исключенности для сельского населения Республики Саха (Якутия), %

№ п/п	Индикатор	Социологический опрос	КОУЖ-2016, сельское население РС (Я)*
<i>Домен А. Финансовое и материальное положение</i>			
1	АА1. Недостаток финансовых средств и отсутствие могущего приносить доход имущества	31,6	Н/д
2	АА2. Исключенность из рынка труда	40,8	Н/д
3	АА4. Отсутствие в домохозяйстве холодильника или стиральной машины (не имеют и не могут позволить себе купить)	–	2,8
4	АА5. Отсутствие в домохозяйстве стационарного компьютера и/или ноутбука (хотели бы, но не могут приобрести)	–	27,9
5	АА6. Наличие в течение года задолженностей домохозяйства по оплате ЖКХ (1 и более раз в течение года)	18,3	31,9
6	АА7. Отсутствие возможностей совершать поездки с целью туризма и отдыха, включая выезд на дачу	50,1	53,1
7	Отсутствие возможности иметь желаемое жилье	71,3	–
8	Доступ жителей к мобильному интернету (3G и выше)	46,5	–
9	Недоступность потребительских кредитов	28,2	–
<i>Домен В. Социально значимые услуги</i>			
1	ВА1. Отсутствие в жилом помещении (доме) туалета, или водопровода, или горячего водоснабжения, или проживание в аварийном жилье	91,6	86,2
2	ВА3. Отсутствие в общеобразовательной организации доступа к интернету или спортзала	–	Н/д
3	ВА4. Неполучение необходимой медицинской помощи	75,3	Н/д

Многомерная оценка бедности на основе социологического опроса сельского населения Республики Саха (Якутия)

Продолжение табл. 4

№ п/п	Индикатор	Социологический опрос	КОУЖ-2016, сельское население РС (Я)*
4	ВА6. Большая отдаленность социально значимых объектов в месте проживания	–	27,0
5	ВА7. Ограниченная доступность услуг общественного транспорта	–	25,7
6	ВА8. Плохая охрана общественного порядка в месте проживания	–	1,2
7	Отсутствие помощи государства в виде специальных программ, пособий, субсидий, кредитов и т.д.	34,9	–
8	Ограниченность доступа к природным ресурсам в Якутии или в населенном пункте	31,8	–
9	Ограниченная доступность дорожной инфраструктуры в Якутии или в населенном пункте, включая ограничения на пользование автодорогами промышленных компаний	10,0	–
10	Отсутствие возможности обеспечить доступ детей к высшему образованию	43,3	–
<i>Домен С. Социальные коммуникации и местное сообщество</i>			
1	СА1. Ограниченные возможности / отсутствие возможностей личного общения родителей и детей	9,0	26,9
2	СА3. Отсутствие возможностей приглашать в гости родственников, друзей	–	49,0
3	СА4. Отсутствие возможности обсуждения личных проблем с людьми из ближайшего окружения / отсутствие возможности обратиться за помощью к посторонним людям в случае возникновения проблем	10,9	6,8
4	СА6. Ограниченные возможности включения в социокультурную среду	–	34,8
5	СА8. Ограниченные возможности общения в социальных сетях	23,6	Н/д

Окончание табл. 4

№ п/п	Индикатор	Социологический опрос	КОУЖ-2016, сельское население РС (Я)*
6	СА9. Небезопасность коммуникаций в местном социуме	–	Н/д
7	Отсутствие механизмов взаимопомощи в поселении	22,6	–
8	Отсутствие регулярного автобусного (автомобильного) сообщения с административным центром муниципального района	19,3	–
9	Дискриминация (расовая, религиозная, этническая и др.) при приеме на работу или при увольнении с работы	11,1	–
10	Неудовлетворенность жизнью	11,6	–

* Данные представлены на официальном сайте Саха(Якутия)стата <https://sakha.gks.ru/folder/41755>.

обездоленных). Не имеют собственного жилья 16% сельских бедных, 13% выделяют проблемы крайней тесноты проживания. Имеющееся жилье отличается высоким износом и низким уровнем благоустройства» [11, с. 52].

Также респонденты отмечают ограниченную доступность (когда роддом или стоматологический кабинет находятся в соседнем поселении) и неудовлетворительное качество медицинских услуг (75,3%), невозможность выехать в отпуск (50,1%), ограниченную доступность мобильного интернета (46,5%), невозможность дать детям высшее образование (43,3%), ограниченность числа рабочих мест (40,8%).

С семьёй и меньшим числом социальных деприваций сталкиваются 42% респондентов, с шестью и менее – 60%, с пятью и менее – 75%. У 22,7% респондентов отмечается девять деприваций и более, самые высокие частоты по этой группе наблюдаются в сфере финансового и материального положения. Большинство домохозяйств этой группы имеют детей (91,4%). Также 58,6% респондентов отмечают, что нуждаются в содействии в поиске работы, и почти столько же –

60,3% – нуждаются в программах профессиональной подготовки и переподготовки. Одним из факторов нарастания риска социальной исключенности в сельских поселениях является большое число домохозяйств, состоящих только из пенсионеров. Во многом это результат устойчивой миграции из села в город лиц в трудоспособном возрасте. В результате многие пожилые люди не имеют возможности лично общаться с детьми. Число социальных деприваций у жителей сел Центральной Якутии с относительно более высокой цифровой и транспортной доступностью несколько меньше, чем у жителей остальных социально-экономических зон региона.

Оценка денежных доходов домохозяйств. По выборке была проведена оценка совокупных доходов сельских домохозяйств (рис. 3). Полученные данные несколько ниже значений Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах 2017 г., которое охватило 480 сельских домохозяйств в 20 муниципальных районах Якутии. В составе совокупных доходов населения основным источником является заработная плата (62%). До 80% всех рабочих мест в аграрных районах Якутии формируются отраслями социальной сферы. Во многих поселениях альтернативы бюджетным рабочим местам практически нет, переход структуры сельской занятости к го-

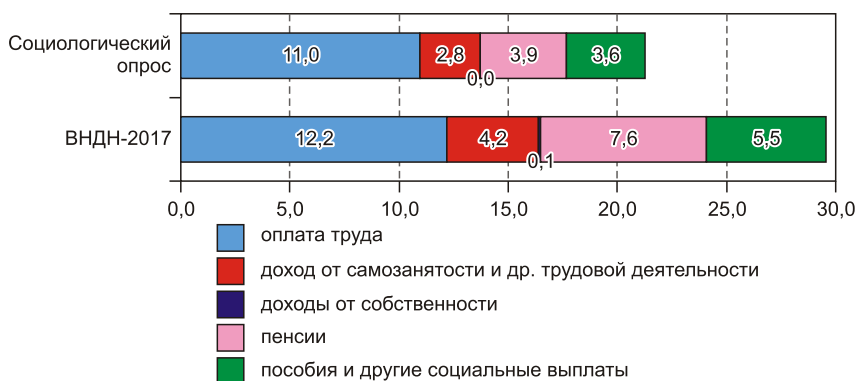

Рис. 3. Уровень и структура совокупных доходов сельских домохозяйств в Республике Саха (Якутия) в среднем на члена домохозяйства, тыс. руб. в месяц

родскому типу был осуществлен уже к началу 2000-х годов⁴. Также крайне сложно сделать выводы об эффективности социальной политики в регионе. Несмотря на наличие нескольких сотен документов в сфере социальной поддержки, только 203 респондента (54%) заявили о ее получении. Из них 130 отметили регулярность выплат, а 79 также указали их размер. Из общего числа получающих социальную помощь только 27% считают ее достаточной, для 55% она недостаточна, а 19% затруднились с ответом. Возможно, часть респондентов слабо информированы, а некоторые забывают о помощи из-за ее малого размера или ограниченных сроков доступа. По нашей оценке, доля сельского населения Якутии с доходами ниже прожиточного минимума составляет 55%.

Для подтверждения полученных данных они сопоставлялись с относительной и субъективной оценками бедности. Согласно первой к бедным относятся лица с доходами на уровне 60% от медианных. Вторая концепция «предполагает установление количественной меры бедности на основе субъективного мнения населения относительно суммы минимального дохода или оценки достигнутого уровня благосостояния» [8, с. 16]. Доля бедных в выборке по *относительной оценке* составила 62%, в нее вошли домохозяйства с доходами ниже 60% от медианных по Якутии в 2017 г. (18 313 руб. в месяц). В части *субъективной оценки* к бедным были отнесены те домохозяйства, которые оценили свое материальное положение, как «денег не хватает даже на питание» и «денег хватает только на питание и товары первой необходимости». Это 50,3% ответивших, или 190 домохозяйств. Из них 63% (119 домохозяйств) имеют доходы ниже прожиточного минимума, а у остальных доходы выше черты абсолютной бедности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. *Результирующее сопоставление* производилось по трем критериям: социальной исключенности, материальным депривациям и среднедушевым доходам ниже прожиточного минимума (абсолютная бед-

---

⁴ См.: Гаврильева Т.Н. Структура занятости в поселениях Республики Саха (Якутия) по типологии Фишера – Кларка // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (7). – С. 18–27.

Рис. 4. Совмещение критериев бедности для сельских домохозяйств Республики Саха (Якутия)

ность). Результаты показывают, что только 27%, или 103 домохозяйства из 383 в выборке, не относятся к бедным по всем трем критериям. В несогласованной зоне бедности (выполнение одного критерия) находятся 35%, или 135 семей, в частично согласованной (два критерия) – 25%, или 95 домохозяйств. К «устойчиво бедным», согласованным по всем трем критериям, относятся 13%, или 50 семей (рис. 4).

2. Из-за небольшого числа наблюдений *оценка рисков бедности в зависимости от размера домохозяйств* производилась по трем основным группам: домохозяйства в составе от одного до двух человек (всего 99 домохозяйств, включая одиноких и супружеские пары трудоспособного и пенсионного возраста), от трех до четырех человек (полные и неполные семьи с двумя-тремя детьми) и свыше пяти человек (полные и неполные многодетные семьи, сложные домохозяйства и т.д.) (рис. 5).

Малые домохозяйства (одиночки, супружеские пары без детей), как правило, не имеют высоких рисков бедности, но у них выше социальная исключенность. В данной группе значительную долю составляют пенсионеры, которым гарантирован доход на уровне прожиточного минимума и выше. Всего доля пенсионеров в выборке равна 21%, это 300 чел., из них продолжает работать 71 чел. Полные семьи

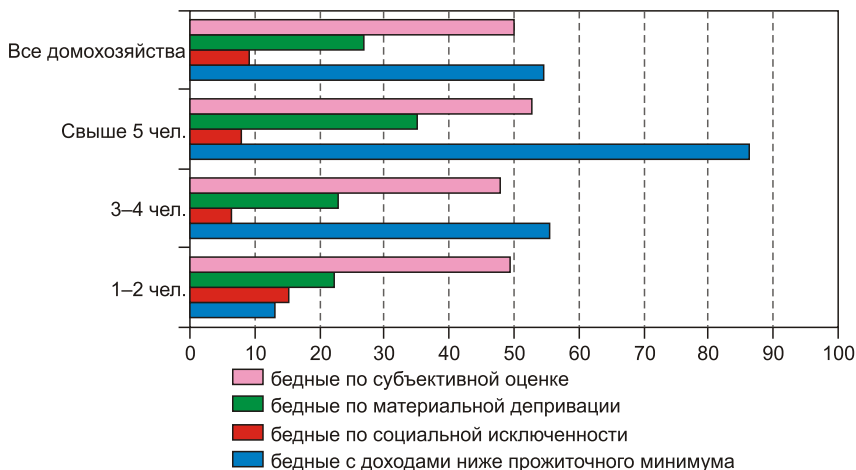

Рис. 5. Риски бедности в зависимости от размера домохозяйств в сельской местности Республики Саха (Якутия), %

с одним-двумя детьми и хотя бы одним работающим родителем имеют средние риски бедности. Домохозяйства третьей группы, состоящие из пяти человек и более, несут самые высокие риски бедности, особенно по доходам. Вместе с тем у них ниже уровень социальных деприваций. На эту группу приходится 62% иждивенцев (358 из 576 чел. по выборке в целом), включая детей, студентов, домохозяек, неработающих членов семьи в трудоспособном возрасте.

3. Для борьбы с бедностью согласно ответам респондентов необходимо

- повысить заработную плату – со средней 30–35 тыс. до 50–70 тыс. руб. в месяц (34,7% ответов);
- повысить пенсию на несколько тысяч, а не сотен рублей (18,8%);
- повысить социальные пособия и выплаты, прежде всего на детей (17,8%);
- развивать инфраструктуру (дороги, интернет, благоустройство), сельское хозяйство, снизить цены на ГСМ и тарифы на услуги ЖКХ (23,3%);

- обеспечить рабочие места, в том числе молодым и самозанятым, пенсионеров следует отправить на пенсию (8,3%).

При этом 78% респондентов, ощущая нехватку рабочих мест на территориях проживания, поддерживают идею перехода на модель базового основного дохода по аналогии с рентными выплатами от нефтедобывающих компаний, практикуемыми на Аляске. Также к особенностям Якутии можно отнести возможность опереться на помощь родственников, друзей, общины в целом. Общество достаточно толерантно, с какой-либо дискриминацией по полу, языку, национальности сталкивались только 11% ответивших. Несмотря на высокие значения немонетарных оценок бедности, около 90% респондентов или довольны своей жизнью, или считают ее текущий уровень в целом приемлемым.

4. Как показал проведенный анализ, применение немонетарных подходов к оценке бедности, дополняя используемый в России абсолютный метод, позволяет получить оценку не только масштабов, но и глубины бедности по различным социально-экономическим и демографическим группам. По нашей оценке, доля сельского населения Якутии с доходами ниже прожиточного минимума составляет 55%, что в 2,7 раза выше, чем в регионе в среднем. Таким образом, из общего числа граждан с доходами ниже прожиточного минимума в республике в 2017 г. – 193,6 тыс. чел. около 85–90% могут составлять сельские жители. Это подтверждается индикаторами субъективной (50,3%) и относительной (62%) бедности. Поэтому данная социальная группа при реализации мер по борьбе с бедностью должна иметь приоритет.

5. Исследование продемонстрировало несовершенство методологических подходов, используемых Росстатом. Ряд показателей неактуален, так как часть из них изначально не соответствовала сложившимся в России стандартам потребления. Совершенствование методологии немонетарной оценки бедности в России помимо обновления перечня показателей должно предусматривать учет региональных особенностей. В 2020 г. ожидается расширение программы выборочных обследований Росстата, и это шанс для проведения более

углубленных исследований, в том числе посредством их дополнения рядом региональных компонентов. Для Якутии как региона с большой долей бедных по доходам, многочисленным сельским населением и устойчивым традиционным природопользованием это могут быть показатели доступности природной среды и земельных ресурсов, транспортной доступности и ряд других.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-02-00619 «Сравнительный анализ источников формирования доходов и проблема бедности в традиционных общинах северных регионов России, США и Канады»)

Список источников

1. Бондаренко Л.В. Сравнительная многомерная оценка распространения бедности в городе и на селе // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 7 (40). – С. 2–15.
2. Гаврильева Т.Н., Набережная А.Т., Иванова М.А., Никифоров Ф.В. Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 1 (211). – С. 38–47. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10052.
3. Елисеева И.И., Раскина Ю.В. Измерение бедности в России: возможности и ограничения // Вопросы статистики. – 2017. – № 8. – С. 70–89.
4. Карцева М.А. Многомерная бедность в странах ЕС: индекс риска бедности и социальной исключенности AROPE // Государственное управление: Электронный вестник. – 2019. – Вып. № 74. – С. 126–155. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogomernaya-bednost-v-stranah-es-indeks-riska-bednosti-i-sotsia> .
5. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. – 2019. – № 2. – С. 51–63. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00015.
6. Маркова В.Н., Трубина А.В., Неустроева А.Б. Факторы бедности сельского населения в Республике Саха (Якутия) // Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика / Под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкина. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 78–86.
7. Набережная А.Т. Оценка влияния социально-демографических факторов на уровень жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 2 (204). – С.169–174.
8. Овчарова Л.Н. Бедность: индикаторы материальной депривации, социальной исключенности и многомерной бедности: Презентация. 2017. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/Prez_Ovchar.pdf (дата обращения: 08.05.2020).

9. *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. – 2012. – № 16. – С. 15–24.

10. *Сен А.* Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуриева. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.

11. *Сергиенко А.М.* Социальная исключенность как форма сельской бедности: оценка масштабов и глубины в Алтайском крае и Республике Алтай // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы: Сб. ст. / Под ред. И.А. Панарина. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – Вып. 8. – С. 32–53.

12. *Слепцова Т.В., Чьямова Н.К.* Факторы, влияющие на уровень бедности населения Республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. – 2018. – № 3 (11). – С. 15–23.

13. *Смирнов С.Н., Капустин А.К.* Статистика социальной исключенности в Российской Федерации // Социально-трудовые исследования. – 2018. – № 4. – С. 93–98.

14. *Фролова Е.Б.* О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам: Доклад на заседание Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики, 2016. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (дата обращения: 07.11.2019).

15. *Фролова Е.Б.* Развитие методологии в области измерения неравенства и бедности при переходе на новые источники данных: опыт и проблемы: Презентация. 2016. Конференция европейских статистиков, Сочи, Россия, 31 октября – 2 ноября 2016 г. – URL: <https://docplayer.ru/56187173-Razvitie-metodologii-v-oblasti-izmereniya-neravenstva-i.html> (дата обращения: 05.11.2019).

16. *Fondahl G., Crate S., Filippova V.* Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation // Arctic Social Indicators. ASI II: Implementation / Ed. by J. Nymand Larsen, P. Schweitzer, A. Petrov. – Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2015. – P. 57–92. – URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A789051&dsid=6421> (дата обращения: 12.03.2020).

17. *Peelah M.* The UNDP social exclusion index for Europe and Central Asia: Presentation at the Seminar on regional well-being indicators (Development of the Inclusive Society Index), 19 October 2016, Brussels. – URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=16450&langId=en> (дата обращения: 12.03.2020).

18. *Seema K., Combaz E., McAslan Fraser E.* Social Exclusion: Topic Guide. – Revised ed. – Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham, 2015. – URL: <http://www.gsdrc.org/topic-guides/social-exclusion/dynamics/social-exclusion-as-a-process> (дата обращения: 10.03.2020).

19. *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. – University of California Press, 1979. – 1214 p.

Информация об авторах

Гаврильева Туйара Николаевна (Россия, Якутск) – доктор экономических наук, доцент, профессор-исследователь Инженерно-технического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677000, Якутск, ул. Кулаковского, 50); ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований ФИЦ «Якутский научный центр» СО РАН (677980, Якутск, ул. Петровского, 2, e-mail: tuyara@list.ru).

Томаска Алёна Георгиевна (Россия, Якутск) – научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «Якутский научный центр» СО РАН (677027, Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: algero@mail.ru).

Набережная Анна Тимофеевна (Россия, Якутск) – кандидат экономических наук, доцент, директор Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677000, Якутск, ул. Белинского, 58); доцент Института математики и информатики Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677013, Якутск, ул. Кулаковского, 48, e-mail: atnaber@mail.ru).

Бочоева Раиса Ивановна (Россия, Якутск) – аспирант Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677000, Якутск, ул. Белинского, 58, e-mail: raisa_bochoeva@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20200306

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 3 (107), p. 135–164

T.N. Gavrilyeva, A.G. Tomaska, A.T. Naberezhnaya, R.I. Bochoeva

MULTIDIMENSIONAL POVERTY ASSESSMENT BASED ON SOCIOLOGICAL SURVEY OF RURAL POPULATION IN THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA)

In this article, the authors are the first to test methods of multidimensional poverty assessment in the Sakha Republic (Yakutia) based on a representative

sociological survey of the rural population. The methods include social exclusion index and assessment of material deprivations. The SEI methodology used by Rosstat has been adapted to the conditions of the northern region in question. Based on an expert survey and an analysis of Arctic Social Indicators being under development since 2006, we select 10 replacement variables that reflect particular living habits of the studied social group. The results are then compared with the data of Rosstat's federal sample observations available for the rural population in Yakutia.

Among key factors of social exclusion and material deprivation of the rural population are the following: severely worn infrastructure, hardly accessible and low-quality social services, underdeveloped public amenities in residential housing, transport and digital isolation. An assessment of the respondents' total income confirms that rural households heavily depend on employment in social welfare institutions, public assistance, and pensions, as well as on private subsidiary farms and traditional economic activities (hunting, fishing, and gathering). It is proved that the use of non-monetary methods, despite some methodological imperfections, allows allocating poverty risks under various socio-economic and demographic groups. The share of rural households with substandard income is 55%, which is 2.7 times higher than the average in Yakutia. This is confirmed by subjective (50.3% of respondents) and relative (62%) poverty lines. In addition to updating the existing list of indicators, improved non-monetary poverty assessment methodology in Russia should also incorporate regional aspects.

Keywords: social exclusion; material deprivation; relative, absolute and subjective poverty; rural population

For citation: Gavrilyeva, T.N., A.G. Tomaska, A.T. Naberezhnaya & R.I. Bochoeva. (2020). Mnogomernaya otsenka bednosti na osnove sotsiologicheskogo oprosa selskogo naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) [Multidimensional poverty assessment based on sociological survey of rural population in the Sakha Republic (Yakutia)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (107), 135–164. DOI: 10.15372/REG20200306.

*The publication is prepared within the framework of the project
No. 17-02-00619 "Comparative analysis of the sources of incomes
and the problem of poverty in traditional communities of northern regions
of Russia, the USA and Canada" supported by funding from the Russian
Foundation for Basic Research*

References

1. *Bondarenko, L.V.* (2018). Sravnitel'naya mnogomernaya otsenka rasprostraneniya bednosti v gorode i na sele [Comparative multivariate assessment of poverty in urban and rural areas]. *Ekonomika, trud, upravlenie v selskom khozyaystve* [Economy, Labor and Management in Agriculture], 7(40), 2–15.
2. *Gavrilyeva, T.N., A.T. Naberezhnaya, M.A. Ivanova & F.V. Nikiforov.* (2019). Faktory bednosti v Respublike Sakha (Yakutiya) [Poverty factors in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards and Quality of Life], 1 (211), 38–47. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10052.
3. *Eliseeva, I.I. & Yu.V. Raskina.* (2017). Izmerenie bednosti v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Measuring poverty in Russia: possibilities and limitations]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 8, 70–89.
4. *Kartseva, M.A.* (2019). Mnogomernaya bednost v stranakh ES: indeks riska bednosti i sotsialnoy isklyuchennosti AROPE [Multidimensional poverty in EU countries: risk of poverty or social exclusion (AROPE)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [E-journal. Public Administration], 74, 126–155. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogomernaya-bednost-v-stranah-es-indeks-riska-bednosti-i-sotsia>.
5. *Korchagina, I.I., L.M. Prokofieva & S.A. Ter-Akopov.* (2019). Materialnye deprivatsii v otsenkakh bednosti [Material deprivations in poverty estimations]. *Narodonaselenie* [Population], 2, 51–63. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00015.
6. *Markova, V.N., A.V. Trubina & A.B. Neustroeva.* (2017). Faktory bednosti selskogo naseleniya v Respublike Sakha (Yakutiya) [Poverty factors of the rural population of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: O.V. Tarasova & A.A. Goryushkin (Eds.). *Issledovaniya molodykh uchyonykh: ekonomicheskaya teoriya, sotsiologiya, otraslevaya i regionalnaya ekonomika* [Researches of young scientists: economic theory, sociology, industrial and regional economics]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 78–86.
7. *Naberezhnaya, A.T.* (2019). Otsenka vliyaniya sotsialno-demograficheskikh faktorov na uroven zhizni naseleniya regiona [Assessment of the impact of socio-demographic factors on the standard of living of a region's population]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards and Quality of Life], 2 (204), 169–174.
8. *Ovcharova, L.N.* (2017). Bednost: indikatory materialnoy deprivatsii, sotsialnoy isklyuchennosti i mnogomernoy bednosti [Poverty: indicators of material deprivation, social exclusion and multidimensional poverty]. Presentation. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/Prez_Ovchar.pdf (date of access: 08.05.2020).
9. *Ovcharova, L.N.* (2012). Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical and methodological issues of the definition and measurement of poverty]. *SPERO*, 16, 15–24.

10. *Sen, A.* (2004). *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Transl. from Eng., edited and postfaced by R.M. Nureev. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ., 432.

11. *Sergienko, A.M.* (2011). *Sotsialnaya isklyuchennost kak forma selskoy bednosti: otsenka masshtabov i glubiny v Altayskom krae i Respublike Altay* [Social exclusion as a form of rural poverty: evaluating its scale and depth in Altai Krai and the Altai Republic]. In: I.A. Panarin (Ed.). *Uchenye zapiski Altayskogo filiala rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby* [Scientific Notes of the Altai Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration]. Coll. of scientific works, Iss. 8. Barnaul, AZBUKA Publ., 282 p., 32–53.

12. *Sleptova, T.V. & N.K. Chyamova.* (2018). *Faktory, vliyayushchie na uroven bednosti naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Factors affecting the poverty rate in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Kulturologiya* [Vestnik of North-Eastern Federal University. Economics. Sociology. Culturology], 3 (11), 15–23.

13. *Smirnov, S.N. & A.K. Kapustin.* (2018). *Statistika sotsialnoy isklyuchennosti v Rossiyskoy Federatsii* [Statistics of social exclusion in the Russian Federation]. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social & Labour Research], 4, 93–98.

14. *Frolova, E.B.* (2016). *O sovershenstvovanii metodologicheskikh polozheniy po raschetam indeksov nemonetarnoy bednosti po itogam vyborochnykh nablyudeniy po sotsialno-demograficheskim problemam: Doklad na zasedanie Nauchno-metodologicheskogo soveta Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki* [On improvement of the methodological provisions for calculation of non-monetary poverty indices on the basis of sample surveys on socio-demographic issues: Report at the meeting of the Research and Methodological Council of the Federal State Statistics Service]. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (date of access: 07.11.2019).

15. *Frolova, E.B.* (2016). *Razvitie metodologii v oblasti izmereniya neravenstva i bednosti pri perekhode na novye istochniki dannykh: opyt i problemy: Prezentatsiya* [Methodological developments in measuring inequality and poverty during the transition to new sources of information: experience and challenges: Presentation]. *Konferentsiya evropeyskikh statistikov, Sochi, Rossiya, 31 oktyabrya – 2 noyabrya 2016 g.* [Conference of European Statisticians, Sochi, Russia, October 31 – November 2, 2016]. Available at: <https://docplayer.ru/56187173-Razvitie-metodologii-v-oblasti-izmereniya-neravenstva-i.html> (date of access: 05.11.2019).

16. *Fondahl, G., S. Crate & V. Filippova.* (2015). *Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation.* In: J. Nyman Larsen, P. Schweitzer & A. Petrov. (Eds.). *Arctic Social Indicators. ASI II: Implementation*, Copenhagen, Nordisk Ministerråd, 57–92. Available at: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A789051&dswid=6421> (date of access: 12.03.2020).

17. *Peelah, M.* (2016). *The UNDP social exclusion index for Europe and Central Asia.* Presentation at the Seminar on regional well-being indicators (Development of the

Inclusive Society Index), 19 October, Brussels. Available at: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=16450&langId=en> (date of access: 12.03.2020).

18. *Seema, K., E. Combaz & E. McAslan Fraser.* (2015). Social Exclusion: Topic Guide. Revised edition. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham. Available at: <http://www.gsdrc.org/topic-guides/social-exclusion/dynamics/social-exclusion-as-a-process> (date of access: 10.03.2020).

19. *Townsend, P.* (1979). Poverty in the United Kingdom A Survey of Household Resources and Standards of Living. University of California Press, 1214.

Information about the authors

Gavrilyeva, Tuyara Nikolaevna (Yakutsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor-Researcher at the Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (50, Kulakovskiy st., Yakutsk, 677000, Russia); Leading Researcher at the Department for Regional Economic and Social Studies, Yakut Science Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (2, Petrovskiy st., Yakutsk, 677980, Russia, e-mail: tuyara@list.ru).

Tomaska, Alyona Georgievna (Yakutsk, Russia) – Researcher at the Department for History and Ethnology, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Small-numbered Peoples of the North, Yakut Science Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1, Petrovskiy st., Yakutsk, 677027, Russia, e-mail: algepo@mail.ru).

Naberezhnaya, Anna Timofeevna (Yakutsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Director of the Institute of Finances and Economics, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinskoy st., Yakutsk, 677000, Russia); Associate Professor at the Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (48, Kulakovskiy st., Yakutsk, 677013, Russia, e-mail: atnaber@mail.ru).

Bochoeva, Raisa Ivanovna (Yakutsk, Russia) – post-graduate student at the Institute of Finances and Economics, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinskoy st., Yakutsk, 677000, Russia, e-mail: raisa_bochoeva@mail.ru).

Поступила в редколлегию 03.02.2020.

После доработки 13.05.2020.

Принята к публикации 14.05.2020.